

Изображение пажа.
Со средневековой миниатюры

братии, стекавшейся в то место на служение Богу, они не обращали никакого внимания на свои лишения, лишь бы обеспечить братию после себя, чтобы ей было чем удовлетворить нуждам добровольной нищеты, принятой на себя из любви к Христу. Когда подходишь к Клерво по скату горы, присутствие Бога возвещается видом его храма, между тем как тишина долины говорит о простоте и уничтожении келий, о простоте и уничтожении их обитателей. В этой долине, переполненной людьми, где никому не позволялось быть праздным и где каждый трудился и работал над назначенным ему делом, спускавшиеся в нее находили посреди дня тишину ночи, прерываемую одним стуком работы или славословием братии в определенные часы. Строгость молчания внушала и мирянам, посещавшим Клерво, такое благоговение, что они боялись говорить не только о дурном или пустом, но вообще ни о чем, что не имело бы отношения к виденному ими. Уединение той местности, где укрывались служители Божии среди густых лесов и извилин соседних

гор, напоминало некоторым образом пещеру нашего отца св. Бенедикта, в которой нашли его однажды пастухи; но они подражали ему не только в жилище, но и в образе жизни, ибо умели жить уединенно среди множества людей. Благодать, направляемая уставом, делала эту долину, переполненную людьми, пустыней для каждого, кто населял ее: человек без правил, будет ли он один, испытает в себе все страсти толпы; но там единство духа и закон молчания, наложенный на всех, мог давать каждому то уединение, которое замыкало его в своем сердце...

VIII. Такова была в те времена под управлением аббата Бернарда та школа духовных наук в знаменитой и возлюбленной долине. Там можно было встретить всю ревность к правильной дисциплине, возбужденную и предписанную Бернардом, который сооружал Богу храм на земле по тому образцу, который был ему указан на горе, когда он жил с Богом в облаках посреди уединения Сито... Освободившись от оков повиновения, лежавших на нем в течение целого года и получив возможность снова жить по своей воле, он, подобно согнутому луку, который, вырвавшись, принимает прежнюю форму, или задержанному ручью, который, одолев препоны, стремится по прежнему пути, возвратился к старым привычкам, желая как бы при этом наказать себя за долгое отдохновение и перерыв в трудах... Он пребывал в молитве денно и нощно, пока не подгибались колени, истомленные постом, и пока ноги, отекавшие от труда, могли поддерживать его тело. Долгое время тайно от всех он носил на себе власяницу; но когда это было узвано, он оставил ее и жил как прочие. Пища его состояла из молока с хлебом и из отвара овощей или каши, какую обыкновенно дают детям. Или слабость не позволяла ему других яств, или он избегал их по своей воздержанности. Если он иногда пил вино, то весьма редко и в чрезвычайно малом количестве; он уверял, что вода нравится ему больше и она лучше для здоровья. Таким образом, изнуренный и истощенный, он с трудом допускал, чтобы его освобождали днем или ночью от общей работы с братией, или от за-